

ПСИХОАНАЛИТИКИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В. О «ПРЕСТУПЛЕНИИ И НАКАЗАНИИ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Горностаева Светлана Андреевна, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, uspenskaya_83@mail.ru

Аннотация. В статье представлены взгляды представителей психоанализа начала XX в. на жизнь и творчество Ф.М. Достоевского и, в частности, его роман «Преступление и наказание». Рассмотрены работы таких известных психоаналитиков и последователей психоанализа как А. Адлер, И. Нейфельд, З. Фрейд и Э. Фромм. В статье «Достоевский» Адлер, отмечая противоречивость характеров героев, указывает на общее для них направление движения в сторону обретения внутреннего покоя, в чем в свою очередь, проявляется сходство с натурой самого писателя. Особое внимание исследователя привлекает тема границ дозволенного и недозволенного в творчестве Достоевского. Нейфельд в работе «Достоевский» указывает, что в основе художественного изображения в творчестве Достоевского лежит эмоциональный опыт самого писателя, склад личности которого психоаналитик оценивает как истерический, что оказывается характерным и для его персонажей. Также исследователь отмечает, повышенное внимание писателя к категории бессознательного и выделяет ряд особенностей, характерных для поэтики Достоевского. В известной работе «Достоевский и отцеубийство» Фрейд указывает на влияние «бессознательных импульсов» в творчестве русского классика, на структуру и особенности сюжетных линий в произведениях. Основатель неопсихоанализа Фромм также обращает внимание на категорию бессознательного, однако в большей степени склонен интерпретировать поведение героев с учетом социальных и мировоззренческих факторов. В статье делается вывод, что в целом исследования психоаналитиков позволили переосмыслить особенности творчества Достоевского и романа «Преступление и наказание».

Ключевые слова: психоанализ, «Преступление и Наказание», Ф.М. Достоевский, А. Адлер, И. Нейфельд, З. Фрейд, Э. Фромм, бессознательное, характер

Для цитирования: Горностаева С.А. Психоаналитики первой четверти XX в. о «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 161-165. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-161-165>

Research Article

PSYCHOANALYSTS OF THE FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURY ABOUT “CRIME AND PUNISHMENT” BY FYODOR DOSTOEVSKY

Svetlana A. Gornostaeva, Moscow City University, Moscow, Russia, uspenskaya_83@mail.ru

Abstract. The article examines the judgements of representatives of psychoanalysis of the early 20th century on the life and work of Fyodor Dostoevsky and, in particular, his novel «Crime and Punishment». The works of such famous psychoanalysts and followers of psychoanalysis as Alfred Adler, Jolan Neufeld, Sigmund Freud and Erich Seligmann Fromm are analysed. In the article «Dostoevsky» Adler, noting the contradictory nature of the characters, points to the general direction of movement for them towards finding inner peace, which, in turn, reveals a similarity with the nature of the writer himself. The researcher’s particular attention is drawn to the theme of the boundaries of what is permitted and what is not permitted in Dostoevsky’s work. Neufeld in his work «Dostoevsky» indicates that the basis of artistic depiction in the work of Dostoevsky is the emotional experience of the writer himself, whose personality makeup the psychoanalyst assesses as hysterical, which, in turn, turns out to be characteristic of his heroes. The researcher also notes the writer’s increased attention to the category of the unconscious and highlights a number of features characteristic of Dostoevsky’s poetics. In the well-known work of Freud «Dostoevsky and Parricide», the influence of «unconscious impulses» in the work of the Russian classic on the structure and peculiarities of plot lines in his works is indicated. The founder of neopsychoanalysis, Fromm, also draws attention to the category of the unconscious, but he is more inclined to interpret the behaviour of the heroes taking into account social and worldview factors. On the whole, the considered studies of psychoanalysts laid the foundations for a close study of the features of psychologism in Dostoevsky’s work.

Keywords: psychoanalysis, “Crime and Punishment, Fyodor Dostoevsky, Alfred Adler, Jolan Neufeld, Sigmund Freud, Erich Seligmann Fromm, unconscious, character

For citation: Gornostaeva S.A. Psychoanalysts of the first quarter of the 20th century about “Crime and Punishment” by Fyodor Dostoevsky. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 161-165 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-161-165>

Психоаналитики считали, что открытым ими метод применим «всюду, где приходится иметь дело с индивидуальной и даже коллективной личностью и ее творчеством» [Нейфельд: 7], что явилось стимулом для обращения к анализу психологии писателей и персонажей их произведений. Изображение глубин человеческой психики в произведениях Ф.М. Достоевского привлекало внимание как материал, на примере которого можно было продемонстрировать теорию психоанализа и его возможности.

В первой четверти XX в. были переведены на русский язык работы А. Адлера (1918), И. Нейфельда (1925), З. Фрейда (1928), Э. Фромма (1946). В тот же период появились работы и российских медиков. Многие взгляды психоаналитиков на личность самого Достоевского и истолкование переживаний и поступков его персонажей востребованы и учитываются литературоведами, философами, социологами, психиатрами, криминалистами [Бачинин; Кантор; Кошечко; Лейбин]. Однако до сих пор они остаются не систематизированными. Систематизация интерпретаций романа «Преступление и наказание» в работах европейских психоаналитиков является задачей данной статьи.

Одна из первых работ психоаналитиков – статья А. Адлера «Достоевский» (1918). Психиатр обращает внимание на противоречивость характеров героев романов «пятикнижия»: Раскольникова, Мышкина, Карамазовых. Разрешить душевный конфликт и успокоить их может только обнаружение «истины»: «Кто таит и вынужден преодолевать в себе такие противоречия, тому необходимо докапываться до самых корней, чтобы обрести в себе состояние покоя» [Адлер: 202]. Таким образом, общее направление внутреннего движения, душевной борьбы и изображенных в романах конфликтных ситуаций состоит в том, чтобы герои могли обрести покой. То, что в художественном мире романов Достоевского обозначено как поиск истины, по мнению Адлера, по сути является стремлением персонажей к душевному покою. В этом отношении характеры героев сходны с характером самого писателя, его натуры, «стремившейся через заблуждение прийти к истине» [Адлер: 209].

Внимание ученого привлекает в художественном мире Достоевского передача ощущения границ дозволенного, которые нельзя переступать. Приближаясь вплотную к границам морального и безнравственного, герои ощущают тревогу, волнение, беспокойство, как, например, Раскольников, который за минуты до совершения преступления «ощущает, как бешено колотится его сердце. В этом сердцебиении говорит логика человеческой жизни, выражается тонкое чувство границ, присущее Достоевскому» [Адлер: 206]. Адлер показывает диалектику художественного изображения, выявляя двойственность образа, в котором переплетаются плотоядное, хищное и духовное, жертвенное.

Пристальное внимание к движениям души и смене эмоций дает ученому возможность прийти к неожиданному выводу, по-новому освещающему вопрос о «маленьком человеке» Достоевского. Адлер делает тонкое замечание о том, что «не индивидуалистический героизм толкает персонажей переступать через линии любви к ближнему, а наоборот, человек перестает быть незначительным, чтобы умереть в плодотворном героизме» [Адлер: 206]. «Маленькие» люди – герои произведений Достоевского – имеют особое свойство «разрастаться до гигантских размеров, пока не достигнут тех границ общечеловеческого героизма, к которым их хочет подвести Достоевский» [Адлер: 206]. Эта трактовка диаметрально расходится с традиционным литературоведческим пониманием типа маленького человека в творчестве Достоевского, главная особенность которого (по сравнению с образами маленьких людей его литературных предшественников) выражалась в особой гордыне и болезненном самолюбии.

В своей работе австрийский психолог и психиатр наметил ряд направлений, которые явились основой для последующих литературоведческих исследований. Так, методологически значимыми стало его замечание о значении смеха для изображения характера, о «возможности лучше узнать человека из его смеха». Обратим внимание, что эта мысль перекликается с аналогичной в романе «Подросток» Достоевского: «Если захотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или даже как он волнуется благороднейшими идеями, а высмотрите лучше его, когда он смеется» [Достоевский: 285]. О «человеке смеющемся» как особой форме познания характера в произведениях классика писал В.Е. Хализев: «В своих крупнейших произведениях Достоевский тщательно воспроизводил смех своих героев, выявляя и подчеркивая его сюжетную и смысловую роль» [Хализев: 333]. Эта тема развита в работе Г.И. Романовой, рассматривающей изображение внешности Раскольникова «и как портрет, и как поведенческую реакцию» [Романова: 80].

Методологически плодотворным стало замечание психолога о значимости сновидений в произведениях Достоевского и о понимании человека, которое «совпадает с самыми современными достижениями индивидуальной психологии» [Адлер: 213]. Выявление содержательной роли сновидений в произведениях Достоевского (и позднейших авторов) как особого художественного приема с тех пор стало важнейшей частью литературоведческого анализа.

И. Нейфельд в работе «Достоевский» (1923) с помощью психоаналитического подхода пытался найти разгадку жизни и творчества писателя. Он исходил из того, что в основе художественного изображения находится эмоциональный опыт самого писателя, его характер. Так как эмоциональный склад писателя невротический, истерический («на-

ходим у него целую массу» «истерических симптомов, корнящихся тоже в комплексе Эдипа» [Нейфельд: 22]), то тем же качеством, как считает психоаналитик, наделены его персонажи. В доказательство приводится тот факт, что слово «истерия» использует для самохарактеристики герой «Записок из подполья». Особенно важным для читателей Достоевского является пояснение психиатра о том, что, хотя герои Достоевского – невротики, но, «как показал Фрейд, невроз не имеет какого-либо специфического содержания; невротики больны теми же комплексами, которые определяют психику и здорового человека. Фрейдовские механизмы легко узнать в образах Достоевского» [Нейфельд: 96]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что вопрос, которым задавались критики – современники писателя, здоров или болен психически Раскольников, не принципиален для понимания философского, нравственно-этического смысла романа. Напомним, что Д.И. Писарев, Н.Н. Страхов, Н.Д. Ахшарумов, Н.К. Михайловский и другие критики – современники Достоевского – ставили в прямую зависимость решение вопроса о ценности художественного изображения в романе с душевным здоровьем его главного героя. Так, Писарев, одним из первых написавший рецензию на вышедший роман, завершал статью утверждением: «Тут можно сказать только, что человек ошалел от страха и дошел до какого-то сомнамбулизма, во время которого он и ходит, и говорит, и как будто даже думает. Существует ли такое психическое состояние и верно ли оно изображено в романе Достоевского, – об этом пусть рассуждают медики, если эти вопросы покажутся им достойными внимательного изучения» [Писарев: 244].

Не менее важным представляется суждение Нейфельда о возможностях анализа той области психики, которая определена как бессознательное. Разгадать загадку характера писателя и его героев помогает концепция З. Фрейда о бессознательном и уверенности в том, что «всякий имеет в своем бессознательном инструмент, при помощи которого он проникает в бессознательное другого...» [Нейфельд: 21]. С одной стороны, так оригинально объяснялся психологизм изображения человека в творчестве писателя, который провозглашается психоаналитиком: «Достоевский изображает душевную жизнь своих героев, как будто он задолго до Фрейда открыл психоанализ, так сказать, для своего частного пользования. ... В своих работах вместе с Юнгом Фрейд полагает, что всякий, кто знает о бессознательном и вытеснении, заслуживает имени психоаналитика», – писал Нейфельд [Нейфельд: 87]. Это касается изображения активного формирования идей как бы скрытно от рассудка, сознания героев. С другой стороны, и читатели получают право на субъективность прочтения романов Достоевского. «Достоевский знал, что интенсивно действующая связь мыслей

долгое время существует в душе скрытно от сознания» [Нейфельд: 88].

Буквальное применение психоанализа в некоторых случаях дает результаты, которые в настоящее время принять трудно, а то и невозможно. Наряду с ними некоторые суждения Нейфельда представляются пронизательными и недооцененными. В первую очередь, те из них, которые связаны с интерпретацией отдельных эпизодов из романа «Преступление и наказание». Например, объяснение поступков Мармеладова, который демонстрирует «амбивалентное отношение к деньгам» [Нейфельд: 67], т. е. добивается их путем просьб и унижения, а затем сразу проматывает. Отношение к деньгам психоаналитики рассматривают как личностное, внутреннее качество, а не результат внешних условий. Мотовство, растрата предстают как осуществление внутренних комплексов.

Одним из первых западноевропейских интерпретаторов произведений Достоевского, Нейфельд отметил такие «говорящие» особенности его поэтики, как очень редкие описания природы [Нейфельд: 70], а также тот факт, что «герои Достоевского никогда не едят» [Нейфельд: 69]. Как и Адлер, проявляя пронизательное понимание роли сна в раскрытии бессознательного, Нейфельд только оценивает эту черту [Нейфельд: 92], приводя в пример сон Раскольникова накануне совершения преступления [Нейфельд: 93]. Отмечено, что наряду со снами, предшествующими событиям, сновидения у Достоевского имеют «регрессивный характер» [Нейфельд: 93–94]. Писатель с точки зрения психоаналитика «правильно пользовался символикой снов» [Нейфельд: 94], а также, несколько опережая науку, постиг тенденцию сновидений – «спасаться от тяжестей жизни в детстве» [Нейфельд: 94]. Стоит отметить, что на подобные особенности творчества Достоевского обращали внимание и отечественные исследователи. В частности, В. Мережковский отмечал психологизм великого классика и его умение изобразить «тонкие, почти неуловимые, психологические переходы», а также проявления подсознательного, в частности видений, призраков, кошмаров, галлюцинаций, снов, бреда» [Горностаева: 32]

Работа З. Фрейда «Достоевский и отцеубийство» написана как предисловие к роману «Братья Карамазовы» в 1926 г. и является во многом обобщением тех размышлений о творчестве русского писателя, которые звучали на заседаниях Венского психоаналитического общества и были выражены в работах его учеников (А. Адлера, И. Нейфельда и др.). Главным предметом обсуждения, как следует из заголовка статьи, стала «очевидная связь между отцеубийством в “Братьях Карамазовых” и судьбой отца Достоевского» [Фрейд 1995: 288]. Однако здесь также звучат основные положения психоаналитической концепции вообще, затронуты особенности художественного творчества Достоевского,

относимые и к роману «Преступление и наказание». Хотя Фрейд и признает, что «перед проблемой писательского творчества психоанализ должен сложить оружие» [Фрейд 1995: 285], однако он касается и вопросов поэтики. Именно этот аспект его статьи представляется наиболее значимым для интерпретации романов Достоевского в литературоведении.

Фрейдом развита мысль о «бессознательных импульсах» в творчестве Достоевского, которые во многом определили даже формальные аспекты его произведений – структуру и особенности сюжетных линий. Выбор сюжетов Достоевским Фрейд рассматривает не в русле литературной традиции жанра детектива, а видит его мотивировку в характере личности, склонной к преступлению. Персонажи Достоевского – насильники, убийцы, вредители, поджигатели, провокаторы и т.д. – деструктивные элементы. Раскольников также обладает подобной деструктивной устремленностью, в его характере присутствуют такие садистические склонности, как раздражительность и нетерпимость, в том числе по отношению к близким людям.

Автор работы «О сновидении» (1901) развивает важную часть своей концепции, связанной с анализом снов, преследующих человека, а также объясняет их смысл: «Наши ночные продукции сновидений представляют собой, с одной стороны, самое большое внешнее сходство и внутреннее сродство с симптомами душевной болезни, с другой стороны, вполне совместимы с нашей здоровой бодроственной жизнью» [Фрейд 1912].

Эти идеи развиты последователями психоаналитика: «Сны и видения Раскольникова, а также Ивана Карамазова, несут в себе именно этот вытесненный в бессознательное голос совести, которого они боятся» [Лесевичкий]. Таким образом, Фрейдом было предложено еще одно истолкование значения снов Раскольникова.

В свете психоанализа представляется особенно важным суждение Фрейда о такой особенности произведений Достоевского, как симпатия к преступнику. «Симпатия Достоевского к преступнику действительно безгранична, она далеко выходит за пределы сострадания, на которое несчастный имеет право, она напоминает благоговение, с которым в древности относились к эпилептику и душевнобольному. Преступник для него – почти спаситель, взявший на себя вину, которую в другом случае несли бы другие» [Фрейд 1995: 96]. Как известно, именно изображение внешности Раскольникова, пронизанное явной авторской симпатией, а также перечень тех добрых дел, которые были совершены героем «Преступления и наказания» задолго до преступления, ставилось в вину Достоевскому официальной критикой советского периода (например, в книге В. Ермилова «Писатель Ф.М. Достоевский», 1956).

К теории страдания и покаяния Фрейд относился скептически, рассматривал ее как негативную национальную черту: «Кто же попеременно то

грешит, то, раскаиваясь, ставит себе высокие нравственные цели, – того легко упрекнуть в том, что он слишком удобно для себя строит свою жизнь. Он не исполняет основного принципа нравственности – необходимости отречения, в то время как нравственный образ жизни – в практических интересах всего человечества. ... эта сделка с совестью характерная русская черта» [Фрейд: 285].

На это отвечают современные исследователи, корректируя мысль психоаналитика: «Покаяние есть компенсаторный эффект самосознания личности и данный вид психотерапии характерен не только для русской нации, но и для других народов» [Лесевичкий].

Идеи психоаналитиков первой четверти XX в. были развиты в трудах их последователей, в частности, основателя неопсихоанализа, неофрейдизма Э. Фромма. Он развил такие суждения о творчестве Достоевского, известные по работам Фрейда, как открытие несоответствия между подсознательными желаниями и рациональными мотивами, отдавая приоритет бессознательному. Однако в целом акцент в его объяснениях основных мотивов поведения героев Достоевского был уже перенесен на социальные факторы, на религиозное мировоззрение: «С развитием “новой науки” религия в ее традиционных формах становилась все менее эффективной, в результате возникла опасность утраты ценностей, которые в Европе закрепились в рамках теизма. Эту опасность Достоевский выразил в своем известном утверждении: “Если Бога нет, то все позволено” ... Предсказание Достоевского о том, что все этические ценности рухнули бы, если бы прекратилась вера в Бога, оправдалось лишь отчасти» [Фромм], так как с развитием человечества проявилась сильнейшая склонность к иным гуманистическим ценностям.

Таким образом, в работах психоаналитиков первой четверти XX в. было дано толкование личности и творчества писателя, которое, несмотря на явный уклон в сферу анализа психических состояний, оказалось значимым в науке о Достоевском. Психоаналитическая трактовка способствовала более пристальному вниманию к внутренним, подсознательным импульсам поступков героев «Преступления и наказания».

Список литературы

Адлер А. Достоевский // Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии: Лекции по введению в психотерапию для врачей, психологов и учителей. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. С. 202–214.

Бачинин В.А. Фрейд и/или Достоевский: мировоззренческий выбор криминологического сознания // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2008. № 2 (15). С. 19–22.

Горностаева С.А., Романова Г.И. Д.С. Мережковский о психологии и психологизме в творчестве Ф.М. Достоевского // Вестник МГПУ. Сер. «Фило-

логия. Теория языка. Языковое образование». 2020. № 3. С. 27–34.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 13. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 456 с.

Кантор В.К. Фрейд versus Достоевский // «Судить божью тварь». Пророческий пафос Достоевского. М.: РОССПЕН, 2010. 422 с.

Косичко А.Н. Психофизиологические особенности личности как основа формирования экзистенциального мирообраза в творчестве Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 4 (16). С. 93–110.

Лейбин В.М. Психоаналитическая традиция и современность. М.: Когито-Центр, 2012. 560 с.

Лесевицкий А.В. Психоаналитические интерпретации экзистенциальных смыслов жизни героев произведений Ф.М. Достоевского // Политика, государство и право. 2013. № 9. URL: <http://politika.snauka.ru/2013/09/960> (дата обращения: 11.09.2020).

Нейфельд И. Достоевский. Л.; М.: «Петроград-Москва», 1925. 96 с.

Писарев Д.И. Литературная критика: в 3 т. Т. 3. Л.: Худ. лит., 1981. 360 с.

Романова Г.И. Портрет смеющегося человека в романе «Преступление и наказание» Достоевского // Литература в школе. 2007. № 5. С. 9–11.

Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Художник и фантазирование. М.: Республика. 1995. С. 285–294.

Фрейд З. О психоанализе. Пять лекций. М., 1912. URL: <https://freudproject.ru/?p=1166> (дата обращения: 20.11.2020)

Фромм Э. Психодуховное обновление // Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. 415 с. URL: <https://fil.wikireading.ru/91869> (дата обращения: 16.11.2020).

Хализев В.Е. Человек смеющийся // Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. С. 301–355.

References

Adler A. *Dostoevskii* [Dostoevsky]. Adler A. *Praktika i teoriia individual'noi psikhologii: Lektsii po vvedeniuiu v psikhoterapiiu dlia vrachei, psikhologov i uchitelei* [Practice and theory of individual psychology: Lectures on introduction to psychotherapy for doctors, psychologists and teachers]. Moscow, Institute of psychotherapy Publ., 2002, pp. 202–214. (In Russ.)

Bachinin V.A. *Freid i/ili Dostoevskii: mirovovzrencheskii vybor kriminologicheskogo soznaniia* [Freud and/or Dostoevsky: the worldview choice of criminological consciousness]. *Kriminologiya: vchera, segodnia, zavtra* [Criminology: yesterday, today, tomorrow], 2008, № 2 (15), pp. 19–22. (In Russ.)

Gornostaeva S.A., Romanova G.I. *D.S. Merezhkovskii o psikhologii i psikhologizme v tvorchestve F.M. Dostoevskogo* [Merezhkovsky about psychology and psychology in Dostoevsky's works]. *Vestnik MGPU* [Messenger of Moscow city pedagogical University], 2020, № 3, pp. 27–34. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]: V 30 t. T. 13. Leningrad, Nauka Publ., 1975, 456 p. (In Russ.)

Kantor V.K. *Freid versus Dostoevskii* [Freud versus Dostoevsky]. “*Sudit' bozh'iu tvar'*”. *Prorocheskii pafos Dostoevskogo* [“Judging God's creature”. Dostoevsky's prophetic pathos]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 422 p. (In Russ.)

Koshechko A.N. *Psikhofiziologicheskie osobennosti lichnosti kak osnova formirovaniia ekzistentsial'nogo miroobraza v tvorchestve F.M. Dostoevskogo* [Psychophysiological features of personality as the basis for the formation of an existential world image in the works Of F.M. Dostoevsky]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Messenger of Tomsk State University]. 2011. № 4 (16). pp. 93–110. (In Russ.)

Leibin V. *Psikhoanaliticheskaia traditsiia i sovremenost'* [Psychoanalytic tradition and modernity]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2012. 560 p. (In Russ.)

Lesevitskii A.V. *Psikhoanaliticheskie interpretatsii ekzistentsial'nykh smyslov zhizni geroev proizvedenii F.M. Dostoevskogo* [Psychoanalytic interpretations of existential meanings of the life of the heroes of F.M. Dostoevsky's works]. *Politika, gosudarstvo i pravo* [Politics, state and law]. 2013. № 9. URL: <http://politika.snauka.ru/2013/09/960> (access date: 11.09.2020). (In Russ.)

Neifel'd I. *Dostoevskii* [Dostoevsky]. Leningrad; Moscow, Petrograd-Moskva Publ., 1925. 96 p. (In Russ.)

Pisarev D.I. *Literaturnaia kritika* [Literary criticism]: v 3 t. T. 3. Leningrad: Khudozh. lit. Publ., 1981. 360 p. (In Russ.)

Romanova G.I. *Portret smeishchegosia cheloveka v romane “Prestuplenie i nakazanie” Dostoevskogo* [Portrait of a laughing man in the novel “Crime and Punishment” by Dostoevsky]. *Literatura v shkole* [literature at school]. 2007. № 5. pp. 9–11. (In Russ.)

Freid Z. *Dostoevskii i ottseubiistvo* [Dostoevsky and parricide]. *Khudozhnik i fantazirovanie* [Artist and fantasy]. Moscow, Respublika Publ., 1995. pp. 285–294. (In Russ.)

Freid Z. *O psikhoanalize. Piat' lektsii* [On psychoanalysis. Five lectures]. Moscow, 1912. URL: <https://freudproject.ru/?p=1166>. php (access date: 20.11.2020) (In Russ.)

Fromm E. *Psikhodukhovnoe obnovenie*. Fromm E. *Psikhoanaliz i etika*. Moscow, Respublika Publ., 1993. 415 p. URL: <https://fil.wikireading.ru/91869> (access date: 16.11.2020). (In Russ.)

Khalizev V.E. *Chelovek smeishchiisia* [Laughing man]. Khalizev V.E. *Tsennostnye orientatsii russkoi klassiki* [Khalizev V.E. Value orientations of the Russian classics]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. pp. 301–355. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.12.2020; одобрена после рецензирования 19.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 14.12.2020; approved after reviewing 19.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.